

Хэлань Миньчжи улыбнулся и неспешно сказал:

— Императорская гвардия Северного ведомства совершенствует боевые искусства, а Лагерь Сяоци — это воины, сражающиеся за государство, у каждого своя специализация, и поражение в фехтовании вполне нормально. Однако, поскольку первое испытание было смещено в пользу гвардии Северного ведомства, ради справедливости второе должно быть смещено в пользу Лагеря Сяоци. Поэтому лучше заменить поединок на состязание в верховой езде и стрельбе из лука, чтобы также проверить, действительно ли гвардеец Дань достоин повисить. Как вы полагаете, ваше величество?

Эти слова были на удивление разумны и справедливы. Дань Чао не ожидал, что у повес может быть такой уровень, и невольно слегка опешил.

Верно, — затем он осознал. Даже если его раздели догола и выбросили у входа в увеселительный квартал, это сделал лично жестокий и коварный командующий Се — он проиграл в боевом искусстве, а не в хитрости, так что это не означает, что этот повеса — совершенно не стоящий внимания пьяница и бездельник!

Императрица У, очевидно, думала о том же, что и Дань Чао.

Императрица У задумалась на мгновение, украдкой взглянула на Се Юня, во взгляде сквозило сомнение, смысл был ясен: если заменить на верховую езду и стрельбу из лука, останется ли у Дань Чао шанс выиграть испытание?

Се Юнь слегка приоткрыл глаза, на лице не было ни тени выражения.

— Миньчжи говорит очень разумно. — Императрица У слегка кашлянула, сначала подтвердив мнение собеседника, затем сменив направление речи:

— Но раз уж состязаться в верховой езде и стрельбе из лука, для полного удовольствия необходимы хорошие кони и луки. Сейчас мы в восточном инспекционном путешествии, императорские кони в основном используются для церемоний, как же можно использовать их для состязания в верховой езде и стрельбе?

Это тоже был резонный аргумент, но Хэлань Миньчжи рассмеялся, в глазах читалась полная уверенность:

— Ваше величество, не беспокойтесь, ваш слуга сегодня как раз прибыл, чтобы преподнести Священному повелителю двух скакунов-тысячелийников и два лука в тысячу даней, видимо, это именно кстати.

— Так вовремя?!

Императрица У с изумлением спросила:

— Откуда у тебя эти кони и луки?

Хэлань Миньчжи сказал:

— Это не вещи вашего слуга, ваш слуга лишь подносит будде цветы с чужого огорода. Тот, кто собрал хорошие луки и превосходных коней и поручил мне преподнести их, на самом деле мой старый знакомый.

Сказав это, он поклонился и с улыбкой произнес:

— Это мастер, которого в реке и озере зовут главой Врат Духов и Призраков, Инь Кайян.

В зале внезапно воцарилась тишина, выражения лиц императора и императрицы изменились.

— Что ты сказал, Скрытые Врата? — Тон императора, хотя и удивленный, явно звучал радостно, он спросил:

— Разве солнце взошло с запада, что Скрытые Врата теперь тоже подносят дары?

Реакция императора не стала неожиданностью для императрицы У, не стала неожиданностью для Се Юня и, конечно, не стала неожиданностью для Хэлань Миньчжи.

Более того, она не стала неожиданностью для далекого Инь Кайяна.

Хэлань Миньчжи с особым почтением поклонился, его улыбка была искренней:

— Священный повелитель совершает фэншань на горе Тайшань, это событие, редкое в древности и современности, достойно называться продолжением трех династий, ответом на мудрость тысяч духов. Скрытые Врата долгое время служили Священному повелителю, и хотя сейчас они не при дворе, их сердца все еще с ним, они охотно склоняют головы в подчинении.

Поэтому Скрытые Врата на пути к горе Тайшань случайно обрели превосходных коней и хорошие луки и сказали: даже если он сейчас не рядом с Священным повелителем, но если он подарит сокровища воинам, которые могут защищать его вместо него, то его преданное сердце все равно будет явлено. Прошу Священного повелителя внять!

Радость в сердце императора теперь действительно проступила в его глазах.

Если сейчас и есть что-то, что может так обрадовать императорское сердце, то лишь возвращение Скрытых Врат может сравниться с фэншанем на горе Тайшань.

— Редко, редко! — Император захлопал в ладоши со смехом, и в этом смехе выражение лица императрицы У наконец помрачнело:

— Раз мастер Инь столь искренен, мне не подобает отвергать его намерение! Гвардеец Дань, генерал Юйвэнь, вы двое состязайтесь в верховой езде и стрельбе из лука, как только определится победитель, я собственноручно пожалую ему скакуна-тысячелийника и лук в тысячу даней!

— Юйвэнь Ху первый в армии по верховой езде и стрельбе из лука, — без выражения сказал Се Юнь. — Ежегодные большие состязания трех армий, он ежегодно берет первенство. Этот бездельник из семьи Хэлань просто пришел, чтобы все испортить.

Подношение Скрытых Врат действительно состояло из великолепных коней и луков невероятной силы, однако в императорских хранилищах хороших коней и луков было хоть отбавляй, нельзя было сказать, что эти дары были уникальными в мире.

Но леств от Скрытых Врат действительно была уникальной в мире, император, взяв императрицу У, целых полчаса любовался ими, придворные лествцы наговорили целую корзину хвалебных речей.

Дань Чао пристально посмотрел на Се Юня и спросил:

— Ты думаешь, я проиграю ему?

— У Се Юня вновь возникло то ощущение, будто перед ним павлин, отчаянно распускающий хвост.

Он машинально покачал головой, не отвечая прямо на вопрос Дань Чао, и сказал:

— Хэлань Миньчжи может подстроить что-то с лошадьми, чтобы ты проиграл, будь осторожен.

В загоне конь громко заржал, Дань Чао невольно взглянул, и в сердце внезапно возникло подозрение:

— Мастер Скрытых Врат Инь Кайян... что он вообще замышляет? Зачем ему объединяться с Хэлань Миньчжи, чтобы подстроить ловушку императорской гвардии?

Се Юнь поднял руку и потер виски, в его глазах вновь появилось то очень странное выражение — если бы нужно было описать его подробно, оно напоминало отвращение, неприязнь, но при этом, казалось, он что-то скрывал и не решался высказать.

— Инь Кайян вряд ли станет считаться с этими двумя... из семьи Хэлань.

Се Юнь сделал паузу, Дань Чао был уверен, что в этот момент он опустил целую вереницу ругательств, но затем, заговорив, Се Юнь уже восстановил невозмутимость:

— Просто от некоторых недопустимых методов невозможно полностью защититься, будь осторожен.

Размеры загородного дворца Пуян были невелики, ипподром не мог сравниться с императорскими охотничьими угодьями, поэтому такие состязания, как охота на хищных птиц или загонная охота, провести было невозможно. Поскольку это была чистая императорская прихоть, никакой подготовки заранее не было, поэтому императрица У лишь приказала разместить десять мишеней в ста шагах от беговой дорожки, победителем будет считаться тот, кто попадет в центр мишени больше раз и первым достигнет финиша.

Се Юнь велел привести своего белого коня, взобрался на спину и подъехал к внешней стороне дорожки, как вдруг услышал насмешливый голос:

— Командующий Се так переживает за исход маленького состязания, что собираешься сопровождать его верхом всю дорогу?

Хэлань Миньчжи стоял у бока коня, поглаживая шею белого коня. Большой Белый был весьма понятлив и, вероятно, не слишком любил этого насмешливого повесу, тут же громко фыркнул и отвернулся.

Се Юнь указал в сторону запястья Хэлань Миньчжи, не касаясь кожи, но Хэлань Миньчжи почувствовал, как воздушная волна ударила в кость запястья, он немедленно онемел и вскрикнул «Ай!», опустив всю руку.

— Фамилия Се, ты!..

— Говори, если есть что сказать, — насмешливо сказал Се Юнь. — Не трогай руками.

Он направил коня вперед, Хэлань Миньчжи смотрел ему вслед и вдруг холодно усмехнулся:

— Командующий Се!

Се Юнь не обернулся.

Хэлань Миньчжи сказал:

— Мастер Инь поручил мне передать тебе одно слово.

Се Юнь, казалось, натянул поводья, потому что шаг белого коня замедлился. Но это длилось лишь мгновение, командующий императорской гвардии так и не обернулся, даже не посмотрел в сторону.

— Инь Кайян для тебя — это приказ, — невозмутимо сказал он. — А не поручение.

Затем он даже не пожелал услышать ни слова больше и просто направил коня прочь.

Дань Чао и Юйвэнь Ху, каждый с луком за спиной и колчаном на поясе, сидели верхом на конях рядом у стартовой линии.

Они не обменивались лицемерными любезностями, оба прямо не смотрели друг на друга, считая друг друга воздухом. Пока Се Юнь не подъехал верхом издалека и спокойно встал на сторону Дань Чао. Когда судья взмахнул флажком, два скакуна-тысячелийника рванули вперед одновременно, и белый конь Се Юня также помчался, как молния!

Сердце Юйвэнь Ху сжалось.

Се Юнь пришел, чтобы следить за этим Дань Чао.

Неужели он так заиклен на исходе одного состязания? Если бы это был другой гвардеец, он бы также неотрывно смотрел на него?

Кислота в горле Юйвэнь Ху поднялась, мгновенно превратившись в сокрушительную силу. Скакун-тысячелийник был необыкновенным, первая мишень приблизилась в мгновение ока, он натянул тетиву, лук, называемый «тысяча даней», с огромным усилием был натянут до предела, и затем — свист!

Свист!

Две стальные стрелы вылетели одна за другой, преодолев сто шагов, и в мгновение ока с двух сторон одновременно вонзились в центр мишени!

С трибуны вдалеке император издал возглас:

— Отлично!

Юйвэнь Ху был опытным генералом, он не паниковал из-за временной ничьей с противником и продолжил скакать вперед. Но, наклонившись, он краем глаза заметил, что Дань Чао отстает лишь на полкорпуса лошади, и невольно тоже слегка удивился, подумав: этот монах родом из храма Цыэнь, как же он так искусно овладел верховой ездой?